

В.Г. Перельмутер
Мюнхен, Германия

О КНИГАХ, КОТОРЫЕ НЕ РОДИЛИСЬ

Об истории до сих пор не публиковавшегося очерка С.Д. Кржижановского «О польской новелле» 1948 года – очерка возникновения и органического бытования жанра в истории польской литературы.

С. Кржижановский, «О польской новелле», В. Перельмутер, М. Живов, Ю. Живова, новелла, рассказ.

Почти сразу по завершении Второй мировой войны, еще до начала Нюрнбергского процесса и – по согласованию с *союзниками* – перерисовки карты Европы, советское правительство принялось за «обустройство» будущего «социалистического лагеря». И начали с Польши. Вероятно, потому что она раньше и сильнее других будущих «социалистических стран» пострадала в войне. И значит, по логике *освободителей*, должна быть особенно им признательна. К тому же – не просто *славянская* страна, но и бывшая часть Российской империи, а с имперским сознанием у тогдашних правителей Советского Союза все было в порядке. В будущем успехе сей затеи заметная роль отводилась деятелям польской культуры, их *патриотизму*, читай – синониму поддержки большевиков.

Знакомством русского читателя со *знаковыми* для поляков фигурами и явлениями их литературы и предполагалось начать осуществление того замысла.

Правда, немедленно возникли сложности. После двух *волн* антипольских репрессий – середины тридцатых и начала сороковых годов – серьезных *полонистов*, т.е. литераторов, литературоведов и переводчиков, свободно владеющих обоими языками и хорошо ориентирующихся в польской литературе, классической и *новой*, осталось – по пальцам легко сосчитать. Потому масштабно задуманный *проект* поневоле пришлось весьма резко ограничить, во всяком случае, *для почина*, а там видно будет.

В сорок шестом (!) в Гослитиздате вышла книга стихов Юлиана Тувима, подготовленная литературоведом и переводчиком Марком Живовым. Он родился в Гомеле, закончил русскую гимназию в Варшаве, русские, польские, еврейские литература и театр с детства были, так сказать, его *средой обитания*. Среди переводчиков, привлеченных им для работы над книгой, был и Сигизмунд Кржижановский.

Они познакомились в первой половине тридцатых, когда Кржижановский был, если не популярен, то весьма заметен в московских литературных и театральных *кругах*. Теперь он, у кого родным языком был польский (в семье говорили по-польски; внучатая племянница Кржижановского Ирина Михина (Костецкая) поведала мне, в частности, что ее бабушка Юлия, старшая из сестер Сигизмунда, и в старости говорила с заметным польским акцентом и любила

вечерами собирать у себя польских подруг – пообщаться на родном языке), а мать, Фабиана Станиславовна, урожденная Пашута, музыкантша и книжница, собрала обширную библиотеку, так что сын с юных лет на отлично знал *родную* литературу, о чем можно судить хотя бы по «упоминательной клавиатуре» в единственной его прижизненной книжке «Поэтика заглавий», теперь он, повторю, стал поистине незаменимым сотрудником-союзником Живова в начатом деле.

Лет пятнадцать назад я несколько раз беседовал с дочерью Живова, Юлией Марковной. От нее знаю про историю того *проекта*. И про то, что ее отец предложил Кржижановскому полностью подготовить к изданию две следующие книги: впервые представить русскому читателю «Польскую новеллу» и том классика XIX века, комедиографа – «польского Мольера» – Александра Фредро. В конце сорок восьмого она, отучившись в университете, поступила («с подачи отца» – ее слова) на службу в Гослитиздат. И первыми редакторскими ее работами были те две книги. От нее знаю и про то, каковы они были, и про их драматическую судьбу.

Для первой Кржижановский подобрал и добыл тексты, замечательно (по оценке Юлии Марковны) перевел несколько новелл, в частности «Клуб шахматистов» особо ценимого им Александра Свентоховского, отредактировал – вместе с Живовой – работы других переводчиков, написал краткие справки об авторах. И предварил книгу очерком «О польской новелле». Не *статьей* – именно *очерком* возникновения и органического бытования жанра, о котором речь, в истории польской литературы. Внятно, лаконично, убедительно. Этаким краткий путеводитель по книге. «Статей премногих тяжелей»...

Солидный том Фредро он, если верно помню, и вовсе перевел целиком. И предварил полусотней страниц, которые, опять-таки, рука не хочет поименовать *статьей*, верней сказать, что это – нечто вроде конспекта монографии о жизни и творчестве любимого поляками драматурга.

К концу сорок восьмого работа была завершена. Пришла пора сдавать толстые папки машинописей в типографию.

Но... *политический ветер* к той поре успел перемениться.

А если без метафор, то выяснилось, что отнюдь не все деятели польской культуры, не только писатели, готовы к тому, чего ожидают от них Сталин и его присные. Что именно их *патриотизм* мешает им приветствовать более или менее восторженно превращение Польши в один из первых барачков «социалистического лагеря».

(Позже Станислав Ежи Лец обронит-запишет строку о том, что «Польша – самый веселый барак в социалистическом лагере».)

Они, понятно, были благодарны за освобождение от нацизма. Однако в благодарности этой не безогляды, не беспамятны. Они помнили не только о вычитанных из школьных учебников истории пресловутых «трех разделах» Польши, но и – лучше, подробней – о событиях последнего десятилетия.

О советских гонениях на живших в СССР поляков.

О том, что в тридцать девятом войну против Польши начала не одна страна – две.

О Катыни.

О том, что, советские войска в сорок пятом, находясь неподалеку от польской столицы, не поддержали восставших, хотя Сталин и его военачальники были подробно информированы о планах руководителей восстания и о том, что их удар в тыл немцам должен был послужить сигналом к штурму Варшавы Красной Армией. И тогда немцами пришлось бы сражаться «на два фронта» (кстати сказать, в этом случае потери Красной Армии при штурме были бы значительно меньше, чем в итоге оказалось). Не пришлось... А изрядное число этих самых деятелей культуры были участниками польского Сопротивления и знали о причинах катастрофы не от советских историков войны. Кто *не в теме*, советуую посмотреть фильм Анд-

жея Вайды «Канал» (1957), особенно пристально – финальные кадры.

Ну, и о судьбах своих друзей и коллег, воевавших в Армии Крайовой (поддерживаемой западными союзниками СССР, в отличие от возникшей «под крылом» советским Армии Людовой), они тоже знали не из книг. (См. фильм того же режиссера «Пепел и алмаз», 1958).

Понятно, что повели они себя в конце сороковых совсем не так, как ожидали советские власти.

И руководителям Гослитиздата было велено от издания подготовленных книг отказаться. А те со страху, тоже понятного, не в архив обе машинописи отправили – уничтожили. Так в сорок девятом погибли переводы Кржижановского (он среди бумаг своих переводов, в отличие от собственных прозы и надиктованных машинисткам размышлений о литературе, не хранил). Остались лишь два очерка, о коих рассказано.

Вместо двух загубленных книг издательство срочно, в пятидесятом, выпустило «аварийно» переведенный роман коммуниста и «соцреалиста» Леона Кручковского, ставшего первым секретарем созданного новой властью – по советскому образу и подобию – союза польских писателей, и будущего – через пару лет – Лауреата Международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами».

Юлия Живова заказала предисловие к той книге Кржижановскому, но сочиненное им издательскому начальству *не подошло*...

Сборник комедий Александра Фредро впервые был издан по-русски четыре десятка лет спустя.

А с прозой большинства авторов «Польской новеллы», в частности Александра Свентоховского, русская читающая публика не встретилась и по сию пору...

V.G. Perelmuter

ON BOOKS THAT HAVE NEVER SEEN THE LIGHT OF THE DAY

About the history of the still-unpublished 1948 essay by Sigismund Krzhizhanovsky «On the Polish Novella»: a sketch of the origin and organic development of the genre in the history of Polish literature.

Sigismund Krzhizhanovsky, «On the Polish Novella», Vadim Perelmuter, Mark Zhivov, Yulia Zhivova, novella, short story.